

Олег Сабанов

Трава зеленее

12+

Олег Александрович Сабанов

Трава зеленее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67648604

SelfPub; 2022

Аннотация

Герой рассказа воскрешает в памяти яркие картины далекого детства, заставляющие его вновь наполниться позабытыми чувствами и эмоциями.

Олег Сабанов

Трава зеленее

Словно в издевку над вчерашними усилиями коммунальщиков по расчистке основных дорожных артерий, тяжелый мокрый снег к утру вновь завалил улицы города. Брутальный февраль явно взялся продемонстрировать мягкому декабрю и ясному январю свое традиционное видение зимней поры. Выйдя из дома, Павел Баландин чертыхнулся и проторенными меж сугробов узкими тропинками стал пробираться к охраняемой автомобильной стоянке, где уже давным-давно прописался его выдавший виды «фольксваген». Несмотря на отсутствие планов торчать дома с женой хмурым воскресным утром не было никакого желания, как не имелось за завтраком даже малейшего стремления тащиться за полкилометра, чтобы вызволять из снежного плена свою старенькую машину. Однако вечное брюзжание супруги Гали лишило его последнего аргумента в пользу дивана с телевизором.

У двухэтажной сторожевой будки Павла Сергеевича приветствовал пожилой изможденный охранник, опирающийся на черенок широкой лопаты.

– Фух, замучился! Сегодня опять трактор будет чистить ближе к обеду. И зачем только вчера заказывали?

– Да уж, завернула погодка. Ну, ничего, скоро весна, полегче станет! – не замедлив шаг, полушутя отреагировал Па-

вел сквозь натужную улыбку.

– Хватило бы сил дотянуть до нее! – бросил ему в спину охранник.

Сбрасывая щеткой тяжеловесные пласты налипшего снега с крыши урчащего автомобиля, Павел Сергеевич прикидывал в уме, стоит ли ему навестить живущую в районе речного порта дочь и понянчиться с внуком или без всякой цели просто проехаться по городу. С некоторых пор он был рад любому поводу подольше задержаться вне дома, лишь бы не слышать упреков и придирок сварливой Галины. В последнее время его жена помешалась на здоровом образе жизни, точнее, на правильном питании, которое по ее твердому убеждению могло восстановить пошатнувшееся здоровье и чуть ли не подарить вторую молодость. К своему несчастью Павел Сергеевич поначалу поддержал полезное увлечение супруги и даже сам по простоте душевной согласился недельку-другую поучаствовать в оздоровительном эксперименте, однако быстро к нему охладел, а вскоре вовсе возненавидел новый рацион и демонстративно вернулся к привычному. С того момента между ними пробежала черная кошка. Болтливая Галочка наедине с супругом по большей части молчала, компенсируя дефицит общения нескончаемыми телефонными разговорами с подругами. Правда, во время приема пищи это неписаное правило частенько нарушалось брошенными в адрес Павла фразами: «Давай, травись мертвечиной трупоед несчастный! Уже на третий этаж еле-еле заползаешь! Ско-

ро за тобой горшки выносить придется! Себя не жалеешь, так хоть обо мне и ни в чем неповинных забитых животных подумай!». После таких слов благоверной Павлу Сергеевичу начинало казаться, что купленная им специально для себя свиная корейка или сырокопченая колбаса и вправду с душком. Аппетит тут же пропал, однако назло язвительным упрекам жены он с деланным равнодушием, зачастую давясь, доедал все до последнего кусочка.

Так пролетали дни и если говорить в общем и целом изначальные благие намерения Галины, как это часто бывает, обернулись своей полной противоположностью: вместо естественного оздоровления супруги с каждым днем разрушали атмосферу добросердечного доверия друг к другу, которая сама по себе обладала целительной силой.

Когда в салоне автомобиля сделалось жарко от работающей на полную мощность печки, а по оттаявшему лобовому стеклу побежали веселые косые струйки, Павел включил магнитола и динамики буквально взорвались припевом известной советской песни «застойных» семидесятых годов двадцатого века:

Из полей уносится печаль

Из души уходит прочь тревога

Впереди у жизни только даль

Полная надежд людских дорога.

Убрав громкость до минимума, он вдруг вспомнил многочисленные ностальгические байки пожилых людей о канувшей в лету прекрасной советской эпохе, когда сахар был слаще, трава зеленее, девушки порядочнее и красивее, а пломбир с колбасой не содержали в себе никакой химии. Подобные настроения царили и среди значительной части почтенных сотрудников транспортной компании, где Павел Сергеевич уже многие годы занимал должность технолога. Да и его самого, родившегося полвека назад, все чаще мысли уносили в далекие школьные годы, казавшиеся теперь волшебной порой невероятных приключений, удивительных открытий, смелых мечтаний и радостных надежд. Вот и сейчас ему представилось, что звуки старого шлагера доносятся из транзистора старого лодочника с пункта проката плавсредств, возле которого он со своими школьными друзьями растянулся на раскаленном июньском солнцем песке. Опыренные началом лета десятилетние пацаны с наслаждением согреваются после купания в еще студеной воде Лесного озера, и дрожь покрасневших от солнечных лучей тел незаметно сменяется сладкой усталостью. Кажется, можно вечно лежать с неподвижностью застывшей ящерицы, ощущая кожей порывистое дыхание снующего по пустынному пляжу ветра, но из-за разыгравшегося чувства голода они с ребятами натягивают трико на ещё мокрые плавки и всей компанией направляются к находящемуся неподалеку профилакторию

«Радуга». Расположенная на первом этаже совсем ещё нового здания из белого силикатного кирпича столовая лечебно-оздоровительного учреждения манит ни с чем несравнимым букетом запахов советского общепита. В большом безлюдном зале, украшенном прославляющим культурный досуг человека труда мозаичным панно, на некоторых деревянных столиках рядом с горчицей, перечницей и солонкой виднеются тарелочки с нарезанным ржаным хлебом. Не обращая никакого внимания на доносящиеся с кухни крики поварих и шум посуды, каждый из друзей берет два-три мягких куса и размеренно, без лишней спешки, начинает уплетать ароматное, с приятной кислинкой, яство, хрустя свежей корочкой. Вдруг откуда ни возьмись, появляется пышнотелая женщина в белом фартуке и высоком накрахмаленном колпаке.

– Что, разбойники, перекупались? Задницы вон мокрые! Хоть бы высохли прежде, чем к нам бежать! – она лукаво улыбается, блестя золотой коронкой. – Ладно, что с вами поделаешь. Берите по стакану чая и садитесь к окну. Простынете, не дай Бог, вода то в озере еще не прогрелась. Да и нельзя всухомятку, заворот кишок будет...

Щедрость столовской поварихи, раздобревшей на халявных казенных харчах, воспринимается как должное, ведь черный хлеб в общепите сроду был бесплатен, а стакан сладкого, точнее приторного чая из огромной кастрюли, где его всегда остается с избытком, стоит две копейки.

После сытного перекуса он с ребятами бредет по залитому солнцем безлюдному городу – рабочий день еще не окончен. Проезжая часть шумит спешащими к городским новостройкам самосвалами, автокранами, грузовиками с готовыми к монтажу блоками. На остановках желтеют натруженные маршрутные автобусы, изредка пробегают кареты скорой помощи. Частных легковых автомобилей совсем мало, по выцветшему асфальту пустынных парковочных площадок разгуливают сизые голуби. Стройный ряд серых автоматов с газированной водой у почтамта приковывает взгляды друзей, но на стакан любимой сладкой шипучки ни у кого из мальчишек нет даже трех копеек.

– Блин, вторая серия «Приключений Электроника» в три часа сегодня! Просмотрим! – неожиданно восклицает троешник Леня Панков по прозвищу Клепа, и все, не стовариваясь, как по команде ускоряют шаг, постепенно переходя на бег.

Вскоре запыхавшийся Пашка открывает деревянную входную дверь висящим на шее желтым латунным ключом, и настенные часы в прихожей сообщают ему, что до фильма еще пять минут. Он включает телевизор, потом, несмотря на перебитый аппетит, идет на кухню, достает из холодильника холодную котлету и, безбожно чавкая, возвращается в большую комнату. Солидная женщина-диктор на экране с безупречной дикцией и интонацией читает по бумажке расписание телепередач. Даваясь невероятно вкусной котлетой,

Пашка хватает жирными пальцами шариковую ручку и подчеркивает в лежащей на столе газете с телепрограммой время показа чехословацкого мультфильма «Крот и жвачка».

– Слышь, земляк, дерни! Трос у меня есть! – громогласно пробасил усатый мужичок, припав к мокрому стеклу водительской двери.

Павел Сергеевич вздрогнул и на краткий миг потерял дар речи, соображая, что ответить выдернувшему его из плена трогательных воспоминаний бедолаге.

– Извините, но моя старушка сама на ладан дышит, со станций техобслуживания надолго не выезжает, – сказал он усатому, легонько постукивая ладонью по рулевому колесу. – В таком снегу, боюсь, оба застрянем. Вам лучше мощный внедорожник поискать, типа этого, – Павел кивнул головой на стоявший по левую руку черный джип с огромной шапкой снега на крыше.

Когда усатый, что-то бормоча себе под нос, удалился к своему заглохшему тарантасу, Павел Сергеевич прикрыл глаза и вновь перенесся в тот же самый июньский день тысяча девятьсот восемьдесят третьего года. Припев уже старого к тому времени шлягера с поразительной точностью передавал Пашкино щемящее чувство радости от предвкушения чего-то большего, от неумолимого приближения праздника и твердого знания того, что все в надежных руках.

Впереди у жизни только даль,

Полная надежд людских дорога.

По большому счету после школы он уже ничего подобного не ощущал – то ли с возрастом таяли детские романтические иллюзии, то ли наступившие рыночные отношения начали диктовать новый прагматичный с изрядной долей цинизма взгляд на себя, свои планы и окружающий мир. На смену счастья по умолчанию, ежедневного ощущения радости и предчувствия еще лучшей поры, незаметно пришло постоянное фоновое напряжение, душевный дискомфорт вкупе с приступами беспокойства по самым, казалось бы, пустяковым событиям. Но тем далеким июньским днем Пашкино сердце учащает пульс от простого осознания того, что впереди почти три месяца бесконечных летних каникул, а июль он проведет в недавно открытом загородном пионерлагере «Факел», в который мама достала ему, по сути, бесплатную профкомовскую путевку.

И не успел украшенный свежей листвой июнь вместе с массой неизгладимых впечатлений переместиться в Пашкину память, как уже караван автобусов львовского производства в сопровождении автомобиля ГАИ несет его к берегу широкой полноводной реки, где белым лебедем раскинулась веселая ребячья республика. Первые пару дней он привыкает к позабытому за месяц вольной жизни строгому распорядку дня, обживаетея в просторной светлой палате, знакомится со сверстниками из других школ. Через неделю усиленные репродуктором звуки горна, трубящие подъем, отбой или зо-

вущие на обед, становятся родными, а пестрая ватага мальчишек и девчонок кажется единой семьей, выстраивающей новую жизнь без родительского надзора посреди бушующего лета. В огромном коллективе не обходится, конечно, без ссор, конфликтов, даже драк, но очистительный огонь пионерских костров превращает всякую обиду в пепел, а речной свежий ветер играючи уносит его за горизонт.

Наступает родительский день, и лагерь гостеприимно открывает двери мамам, папам, бабушкам, дедушкам, братьям, сестрам, дядям, тетям, друзьям и подругам.

– Черешню ешь сразу, не тяни. В белом пакетице ириски «Золотой ключик» и леденцы «Дюшес», в синем печенье и твои любимые сочники, – объясняет мама, складывая в тумбочку у кровати привезенные лакомства.

– А жареная курица куда мне? – восклицает Пашка при виде внушительного кулька из плотной фольги, источающего знакомый аппетитный запах. – Я здесь все время объедаюсь. Не припомню ни одного завтрака, обеда, ужина и даже полдника без добавки!

К концу второй июльской смены он успевает принять участие в футбольном турнире между отрядами, быть пойманным вожатыми во время самовольной отлучки с ребятами у реки, разучить несколько танцевальных движений на ежевечерних дискотеках, начать читать во время тихого часа фантастический роман Уэллса «Машина времени» и много чего еще.

Август Пашка встречает заметно поправившийся, с золотистым загаром, выгоревшими волосами и твердым намерением следующим летом вновь встретиться с друзьями в «Факеле». В пропахшей дымом прощального пионерского костра кепке он бежит занимать очередь к овощному киоску, где выбрасывают персики, абрикосы, арбузы и дыни. Недалеко от его дома разбивает красный шатер передвижной цирк с тиграми, львами, фокусниками, клоунами и акробатами. Но Пашку более всего завораживает аттракцион «Шар смелости» с бесстрашными мотоциклистами-каскадерами внутри металлической сетчатой сферы. В один из погожих дней он с друзьями как в самом начале июня идет на пляж Лесного озера. С наступлением последнего месяца лета ряды загорающих поредели, купающихся нет вовсе, но мальчишки, игнорируя наставления старших об опасности купания после Ильина дня, с криками вбегают в зеленую густую воду, начавшую цвести с конца июля. В азарте безумных заплывов она часто попадает им в улыбающиеся рты и иногда проглатывается, но это никого не тревожит. Радиостанции и газеты с мастерством гипнотизера ежедневно внушают мысль о том, что советские дети под мудрой и надежной опекой, страшные хвори давно побеждены, а эпидемии угрожают только имевшим несчастье родиться в капиталистических странах. «Вряд ли Илья Пророк бросил в воду ледешок второго августа, – размышляет Пашка, подрагивая на ветру после купания. – Ведь если наука давным-давно доказала отсутствие

Бога, то и все прочие обитатели Небес не более, чем поповская выдумка».

За две недели до первого сентября мама достает ему по знакомству восточногерманский костюм немного на вырост и удобные югославские кроссовки. Довольный Пашка долго красуется в них как девчонка перед зеркалом и бежит прямо в обновке за хлебом и молоком. На обратном пути к нему подходят знакомые соседские ребята, рассматривают пиджак, брюки, обувь и оценивающе кивают. Кто-то обзывает его «пижоном местного разлива» и все начинают громко хохотать. Слегка задетый этим обстоятельством он крутит у виска и подчеркнуто вальяжно направляется к своему подъезду. Забыв о мамином наказе не есть всухомятку и немытыми руками, Пашка на автомате выуживает из авоськи батон за двадцать две копейки и, пока медленно поднимается по лестнице, откусывает кусок за куском от душистой мягкой булки.

Уже лежа вечером в кровати, он осознает насколько соскучился по задорному школьному звонку, интересным рассказам учителей, разговорам на переменах, культпоходам в кинотеатр, урокам физкультуры на школьном стадионе. Вспоминается грандиозный план начала лета записаться осенью сразу в три спортивные секции. Его нежно охватывает сладкая дрема, быстро переходящая в глубокий здоровый сон подростка... Ближе к утру Павлика навестят наполненные добром яркие сновидения – другие даже не знают к

нему дорогу. Ведь Пашкины ночные грезы лишь увеличенное отражение повседневной действительности советского пятиклассника, где, как поется в песне, только небо, только ветер, только радость впереди.

Услышав тарыхтение подъехавшего трактора, Павел Сергеевич прокашлялся, потом заглушил мотор и только приоткрыл боковую дверь своего автомобиля, намереваясь покинуть заснеженную стоянку, как резкий порыв ветра распахнул ее настежь. При этом она достала черный кузов стоявшего рядом внедорожника и оставила после удара заметную вмятину со светлой царапиной. В памяти вдруг всплыли собственные детские колени в обработанных зеленкой многочисленных ссадинах. Показывающий трактористу фронт работ охранник не заметил досадного инцидента и Павел Сергеевич, пользуясь моментом, выбрался из машины и побрел домой.

«Воздыхания пожилых людей об ушедшей эпохе вряд ли объясняются исключительно тоской по времени их молодости, – думал он, подходя знакомой тропинкой к своему двору. – Все же в то приснопамятное время у подавляющего большинства доходы были примерно равны, а жестко зафиксированный потолок материального благосостояния оставлял время на неторопливое общение, чтение толстых книг, дальние турпоходы, что вносило в жизнь человека так недостающее сегодня умиротворение. Борьба за место под солнцем велась и тогда, вот только проигравшие в ней теряли не

так уж много».

– Накатался? – недовольно фыркнула жена в прихожей.

– Я, Галь, даже со стоянки не выезжал. Просто посидел в машине и все. Правда, маленького столкновения с большим дорогим автомобилем избежать не удалось, – добродушно сказал Павел Сергеевич, словно их отношения уже наладились.

– Разве можно угодить в ДТП оставаясь на своем парковочном месте? – искренне удивилась Галя.

– Конечно, – спокойно ответил Павел, стягивая с себя пуховик. – Оставаясь на месте, можно даже побывать в тех краях, куда не ходит никакой транспорт.